

Голсуорси Джон

Изюминка

Джон Голсуорси

Изюминка

Перевод Т. М. Литвиновой

"Деревья пробуждал Орфей

Волшебной лирою своей..."

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джеймс Г. Фраст, антрепренер.

Е. Блюитт Вейн, режиссер.

Мистер Форсон, помощник режиссера.

"Свет", осветитель.

"Реквизит", бутафор.

Герберт, мальчик на побегушках.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В "ЛИРЕ ОРФЕЯ":

Гай Тун, профессор.

Ванесса Хэллгров, его жена.

Джордж Флитуэй, Орфей.

Мод Хопкинс, фавн.

Место действия - сцена театра. Спектакль идет без перерыва, но по ходу действия занавес время от времени на секунду опускается.

Театральная сцена, приготовленная для генеральной репетиции небольшой пьесы "Лири Орфея". Занавес поднят, и считается, что зрительный зал пуст. Сцена представляет собой часть комнаты с большими стеклянными дверями в задней стене. Они широко распахнуты и ведут в цветущий яблоневый сад. Вся задняя стена с этими дверями удалена всего метра на три от рампы, так что большая часть сцены занята садом. По всему чувствуется, что обитатель комнаты человек пишущий и обладает развитым вкусом {Если интересы сценичности этого требуют, комнату можно заменить широкой верандой или террасой с колоннами.}. В стене справа дверь, наполовину задернутая портьерой. Слева от стеклянных дверей, вполоборота к окну - большое кресло с полочкой для книг, на которой

лежит том "Британской энциклопедии". Рядом с креслом - табурет, на нем лежат всевозможные письменные принадлежности. Человек, сидевший в кресле, должно быть, писал, положив блокнот на колени. На маленьком столике подле кресла лампа с темно-зеленым абажуром. Вся сцена залита резким, слепящим светом. На сцене нет никого, кроме помощника режиссера, мистера Форсона. Он стоит, закинув голову, - должно быть, ожидает ответа от невидимого собеседника, который находится где-то на колосниках. Он небольшого роста, коренаст. У него бесстрастное лицо человека, покорившегося судьбе. Из задних рядов партера или, если удобней, откуда-нибудь из пустой ложи раздается голос режиссера, мистера Блюитта Вейна, мужчины лет тридцати четырех, с

зачесанными назад волосами.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. Проверим еще раз свет.

Форсон уходит за левую кулису. Молчание.

Вейн. Мистер Форсон! (Крещендо.) Мистер Форсон!

Форсон появляется из-за левой кулисы, держа козырьком руку над глазами.

Вейн. Да стойте же вы ради бога! Давайте повторим свет еще раз. Проверьте рампу.

Форсон (наверх, в кулисы). Свет!

Голос "Света". А?

Форсон. Повторите все. Проверьте рампу.

Рампа гаснет, и слепящий голубой свет заливает сцену, придавая Форсону

совсем уже потусторонний вид.

Вейн. Господи! Ну какого черта! Мистер Форсон!

Форсон уходит за правую кулису.

Вейн (громче). Мистер Форсон!

Форсон (появляется). Сэр?

Вейн. Велите Миллеру спуститься сюда.

Форсон. Свет! Мистер Блюитт Вейн хочет с вами поговорить. Идите сюда!

Вейн. Велите Герберту сесть вон в то кресло.

Форсон уходит за левую кулису.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон (появляется вновь). Сэр?

Вейн. Не уходите со сцены.

Форсон бормочет что-то себе под вес. Из-за правой кулисы появляется "Свет".

У него худое лицо и черные, топорщащиеся волосы.

"Свет". Слушаю вас, мистер Вейн.

Вейн. Ну что это такое?

"Свет". У меня так записано, мистер Вейн.

Вейн. Раз и навсегда поймите: мне нужно, чтобы сад был залит лунным светом, а комната была в полумраке и светилась бы одна настольная лампа. Выключите выносной софит.

"Свет" уходит направо. Форсон исчезает за левой кулисой.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон (появляясь). Сэр?

Вейн. Проследите, чтобы все было зафиксировано в точности. Ну давайте же, давайте! Теперь введем элемент красоты.

На этой реплике из-за левой кулисы появляется Герберт, мальчик на

побегушках. Это шустрый и губастый малый лет шестнадцати.

Форсон (ехидно). Вот он, мистер Вейн! Герберт, поди сядь вон в то кресло.

Герберт безмятежно усаживается в кресло.

Вейн. Начинайте! (Гаснут все огни. Стонет.) О господи!

В темноте слышится хрипловатый смешок Форсона. Появляется сноп света, танцует по всей сцене, подпрыгивает, перемещается и наконец устремляется за окно, в сад. Тотчас вспыхивает настольная лампа, бросая тонкий и

пронзительный луч в зрительный зал и оставляя Герберта в темноте.

Вейн (страшным голосом). Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. А-ба-жур!

Форсон бормочет себе что-то под нос, подходит к рампе и поворачивает абажур;

свет падает на ноги Герберта.

Вейн. Лицо, лицо осветите! (Форсон поворачивает абажур.)

Форсон. Так, мистер Вейн?

Вейн. Да, да, и зафиксируйте!

Форсон (наверх, в левый колосник). Свет!

"Свет". А?

Форсон. Зафиксируйте!

Голубой свет вдруг превращается в желтый.

Вейн. Боже!

Снова воцаряется голубой свет. Порядок восстановлен. Герберт наслаждается

воображаемой сигарой.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. Спросите его, зафиксировал ли он это освещение?

Форсон. Вы зафиксировали?

"Свет". Да.

Вейн. Теперь к переходу. Выключите всю рампу!

Форсон (кричит наверх). Выключить рампу!

Рампа гаснет.

Вейн. Выключите настольную лампу.

Лампа гаснет.

Дайте желтый свет в заднем софите. Так - зафиксируйте! Теперь последнее. Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. Снять весь свет!

Форсон (кричит). Снять весь свет!

Свет гаснет.

Вейн. Теперь сначала! Лампа. Затем две перемены. Как можно скорей. Перчику, перчику! Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. Будьте добры, встаньте там, где должна появиться мисс Хэллгров.

Форсон становится у одной из стеклянных дверей.

Вейн. Да нет же, у занавеса!

Форсон становится возле занавеса; вдруг все световые перемены совершаются

одна за другой быстро и с удивительной точностью.

Вейн. Отлично! Так и оставим. Начнем! Мистер Форсон, пошлите за мистером Фрастом.

Поднимается из зрительного зала на сцену по лестнице справа.

Форсон. Герберт! Позови шефа и скажи, чтобы все, кто занят в первой сцене, были на месте. Ну, шевелись!

Герберт поднимается с кресла и идет влево. Вейн взбирается на сцену, а

Форсон в это время проходит за правую кулису.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон (появляясь). Сэр?

Вейн. Позовите "Реквизит".

Форсон (громовым голосом). Реквизит!

Через стеклянную дверь входит человек довольно потрепанного вида.

Вейн. Как ваш валун? Выдержит?

"Реквизит" (подходит к бутафорскому валуну, обросшему бутафорским мхом; валун лежит перед задником, как бы среди яблонь. Ставит на него ногу). Если не слишком на него наваливаться, сэр, так не сломается.

Вейн. И не заскрипит?

"Реквизит". Нет. (Становится на валун. Раздается меланхолический скрип.)

Вейн. Исправьте. Теперь покажите мне лютню.

"Реквизит" протягивает ему бутафорскую лютню. Пока они разглядывают лютню, из-за правой кулисы появляется плотный мужчина с широким, чисто выбритым и слегка обрюзгшим лицом и маленьким ртом, из которого торчит окурок сигары.

Он ждет, когда на него обратят внимание.

"Реквизит" (почувствовав запах сигары). Шеф.

Вейн (поворачивается к "Реквизиту"). А, хорошо, вы свободны.

"Реквизит" выходит в стеклянную дверь.

Вейн (Фрасту). Так вот, сэр, мы можем сейчас начать репетицию "Лиры Орфея".

Фраст (с легким иностранным акцентом). "Лира Орфея"! Откровенно говоря, мистер Вейн, я лирам предпочитаю доллары. Да скажите вы мне, есть ли по крайней мере в этой вашей высокоинтеллектуальной пьеске изюминка?

Вейн. В ней есть известное обаяние.

Фраст. А я-то думал, вы дадите "Хорька" с маленьким Мигтсом! Тут бы нужен, знаете, хорошенький коктейль перед "Просчетом Луизы", мистер Вейн!

Вейу. Погодите, сэр, вот увидите.

Фраст. Свет так и будет? Что-то уж очень, знаете, потусторонне. Я позабыл очки. Сяду-ка в первом ряду. Одну минуточку. Кто играет этого вашего Орфея?

Вейн. Джордж Флитуэй.

Фраст. А есть в нем изюминка?

Вейн. Это очень маленькая роль.

Фраст. Кого вы еще подобрали?

Вейн. Гай Тун играет профессора, Ванесса Хэллгров - его жену, Мод Хопкинс - фавна.

Фраст. Гм! Имена не громкие!

Вейн. Зато без запроса. А мисс Хэллгров, по-моему, находка.

Фраст. Хорошенькая?

Вейу. О, да.

Фраст. Интеллектуальная?

Вейн (колеблясь). Да нет. (Решительно.) Послушайте, мистер Фраст, пожалуйста, не ждите еще одного "Хорька".

Фраст. Ну, хорошо, была бы изюминка, я больше ничего не требую. К делу, к делу! (Гасит сигару и спускается со сцены в партер, где садится в первом ряду.)

Вейн. Мистер Форсон?

Форсон (выходит справа, из-за занавеса). Сэр?

Вейн. Начинаем. Дайте занавес.

Спускается в партер и усаживается рядом с Фрастом. Занавес опускается. Слышен красивый женский голос, поющий песенку Салливана: "Деревья пробуждал

Орфей..."

Фраст. Голосок что надо!

Занавес поднимается. Профессор, высокий, худой и рассеянный человек с проседью, зевает в кресле. На коленях у него блокнот, справа - табурет с чернильницей, слева - том энциклопедии на подставке - словом, он забаррикадирован со всех сторон статьей, которую пишет. Он читает вслух последнюю написанную страничку,

но голос его заглушается пением жены, которая находится в соседней комнате, за портьерой. Пропев песню до конца, она умолкает, и тогда становится слышно, как профессор читает свою статью.

Профессор. "Орфей символизировал собой голос Красоты, призыв жизни, увлекающей нас, смертных, своей песней, поднимающей нас из могил, в которых мы добровольно себя погребли. Писатели древности, надо полагать, сознавали это в той же мере, в какой и мы. Человечество не меняется. Шелк и сукно, в которые рядятся современные цивилизованные существа, скрывают под собой все тех же фавнов и дриад. А между тем..." (Он внезапно умолкает, как бы вдруг иссякнув. Нетерпеливо, жене.) Что же ты не поешь, дорогая? Пой, это создает атмосферу.

Жена снова поет. И профессор начинает снова водить пером. Но песня внезапно обрывается и, раздвинув портьеру, в двери появляется жена профессора. Она значительно моложе его, бледна, очень хороша собой. Все в ней - и тип лица, и сложение, и облегающее тело кремовое платье напоминает женщину с картины Боттичелли. Она в упор разглядывает мужа, который погружен в свое писание;

затем быстрыми шагами подходит к раскрытой двери и смотрит в сад.

Жена. Боже мой! Какая красота!

Профессор (поднимает голову). А?

Жена. Я сказала: "Боже мой! Какая красота!"

Профессор. А-а!

Жена (смотрит на него). Ты не заметил, что мне последнее время приходится всегда повторять то, что я тебе говорю?

Профессор. Что?

Жена. Что мне приходится повторять...

Профессор. Да-да, я слышал. Прости. Я слишком увлекаюсь.

Жена. Но только не мной.

Профессор (удивленно). Дорогая моя, да ведь твоя песня как раз и помогла мне воссоздать атмосферу. Чертовски трудная статья - найти равновесие между исторической точкой зрения и просто человеческой...

Жена. Кому нужна человеческая точка зрения?

Профессор (ворчливо). М-м! Если б это было так! Но - современные вкусы! Им дела нет до истории. Им подавай грошовые

чувства в пестрых обложках.

Жена (как бы про себя). А весна - это тоже грошковые чувства?

Профессор. Прости, дорогая, я не расслышал.

Жена (словно против воли, уступив какой-то внутренней силе).
Красота, красота!

Профессор. Это-то я и пытаюсь здесь выразить. Легенда об Орфее и по сей день символизирует человеческую тягу к красоте! (Снова берется за перо, она же продолжает любоваться лунным светом в саду. Подавляя зевок.) Черт возьми! Все время в сон клонит! Распорядись ты наконец, чтобы к обеду давали кофе покрепче!

Жена. Хорошо.

Профессор. Вот послушай - как тебе это покажется? (Читает вслух.) "Многие полотна художников Возрождения - особенно таких, как Боттичелли, Франческа и Пьеро ди Косимо, - навеяны легендами типа орфеевской. Этому же языческому источнику мы обязаны маленькой жемчужиной Рафаэля "Аполлон и Марсий".

Жена. Мы обязаны ему и большим - бунтом против сухой учености.

Профессор. Вот именно! А я, пожалуй, разовью эту мысль: "Ему же мы обязаны нашим бунтом против академичности, отвращением к "бизнесу" и к грубому торжеству купли-продажи. Ему мы обязаны..." (Голос его постепенно замирает.)

Жена. Любовью.

Профессор (рассеянно). А?

Жена. Я сказала: ему мы обязаны любовью.

Профессор (несколько удивленно). Возможно. Но... хм... (сухо улыбается)... в данной статье это будет, пожалуй, неуместно.

Жена (обращаясь к себе и к лунному свету, заливающему сад).
Деревья пробуждал Орфей!

Профессор. Многие путают лиру с лютней. (Отчаянно зевает.)
Дорогая моя, если ты больше не собираешься петь, может быть, сядешь? Мне нужно сосредоточиться.

Жена. Я выйду прогуляться.

Профессор. Смотри, не промочи ноги!

Жена. Сухие ноги - залог христианской добродетели.

Профессор (сдержанно смеется,). Браво, браво! Сухие ноги - залог христианской добродетели. (Рука его хватается за перо, лицо

наклоняется к бумаге, жена смотрит на нею странным взглядом.) "Трудно определить, в какой степени поднявшаяся в наше время волна отрицания христианских добродетелей обязана влиянию идей, нашедших воплощение в образах Орфея, Пана и Вакха, однако..."

Во время его монолога жена выходит в сад и поет, причем голос ее по мере удаления приобретает еще большую звонкость: "Деревья пробуждал Орфей

волшебной лирою своей, лирою своей..."

Профессор (спохватывается). Она сорвет себе голос! (Молча слушает, как растет ее песня.) Гм! Как странно он звучит ночью! (Молчит. Зевает. Ее голос постепенно замирает. Он вдруг начинает клевать носом, пытается бороться со сном, успевает написать одно-два слова, голова его опускается, и через двадцать секунд он засыпает совсем.)

Свет гаснет. Слышен голос Фраста.

Фраст. Как зовут эту девушку?

Вейн. Ванесса Хэллгров.

Фраст. А!

Сцена освещается. Яркий лунный свет заливают сад, комната по-прежнему погружена в темноту. Смутно виднеется силуэт спящего профессора в кресле. Он несколько больше повернулся к двери в сад. Из-за поросшего мхом валуна высовывается фигура фавна; у него острые ушки, он облокачивается на валун и играет на свирели; два зайца и лиса сидят и слушают его игру. Порыв ветра срывает несколько лепестков с цветущих яблонь. Фавн резко поворачивает голову вправо, откуда медленно появляется фигура древнегреческого юноши с лирой или лютней в руках, из которой он извлекает звуки, похожие на стон ветра в трубе. Фавн прячется за валун, а юноша, дойдя до валуна, останавливается и играет на своей лютне. Постепенно под его музыку побеленный ствол одной из яблонь преобразуется в женскую фигуру с обнаженными руками и босыми ногами; ее темные волосы распущены. Это жена профессора. Словно в транс, она плавно приближается к юноше, глядя ему прямо в глаза, и подходит к нему вплотную. Она протягивает к нему руки, обвивает его шею. Они целуются. Раздается тихий возглас ужаса, и профессор, весь взъерошенный, с вздетыми руками, вскакивает с кресла, и в ту же

секунду сцена погружается во мрак.

Фраст. Ого!

Свет, как в начале сцены. Профессор медленно просыпается в своем кресле, вокруг него лежат разбросанные страницы рукописи. Он встряхивается, щиплет

себя за ногу, медленно обводит глазами залитый луной сад и встает.

Профессор. Уф! Уф! Противный сон! Брр! Хм! (Идет к стеклянной двери и кричит.) Бланш! Бланш! (Бормочет.) "Деревья пробуждал Орфей... пробуждал Орфей!.." (Кричит.) Бланш!

Голос жены. Да?

Профессор. Где ты?

Жена (появляясь у валуна, с распущенными волосами). Здесь!

Профессор. Послушай... я... я спал... мне приснился сон. Иди сюда. Я расскажу тебе.

Она входит, и оба стоят у окна.

Профессор. Мне снилось, как будто вон там, возле того камня, сидел... фавн и играл на свирели. (С тревогой поглядывает в сторону валуна.) И будто тут же сидели и слушали два дурацких зайчонка и лиса. И вдруг вон оттуда появляется наш друг Орфей со своей проклятой лютней и, понимаешь, превращает вон то дерево в тебя! И потом постепенно он тебя приманил, как птичку. И ты... хм... обняла его за шею и... хм... поцеловалась с ним. Уф! Я проснулся. Ужасно неприятно. Послушай, у тебя распущены волосы!

Жена. Да.

Профессор. Почему?

Жена. Это не был сон. Орфей возвращал меня к жизни.

Профессор. Что такое?

Жена. А ты думал, я живая? Я мертвая, я как Эвридика.

Профессор. Господи, Бланш, да что с тобою делается сегодня?

Жена (указывая пальцем на разбросанные листы). Почему, вместо того, чтобы жить настоящей жизнью, мы о ней только пишем? (Показывает рукой на сад.) Что мы берем от жизни? Деньги, славу, моду, разговоры, ученость? Верно. А для чего это все? Я жить хочу!

Профессор (беспомощно). Дорогая моя, я, право же, не понимаю тебя.

Жена (указывая на сад). Смотри! Вон Орфей со своей лирой, и никто его не замечает. Красота, кругом Красота, а мы проходим мимо. (С внезапным жаром.) Красота, Любовь, Весна... Все это где-то вне нас, а должно бы быть внутри.

Профессор. Милая, но это... это ужасно! (Делает движение, чтобы обнять ее.)

Жена (уклоняется от его объятий, тихо). Иди, иди к своей работе!

Профессор. Я... я расстроен. Я никогда не видел тебя такой... такой...

Жена. Такой истеричной? Хорошо! Больше не буду. Пойду снова петь.

Профессор (успокаивающе). Ну вот, ну вот! Прости меня, милая. Ну, прости. Ты просто сегодня не в духе, вот и все. (Целует ее, она не уклоняется.) Ну как? (Тянется к своим бумагам.) Прошло?

Жена (стоит неподвижно и смотрит на него в упор). О, да! Как рукой сняло!

Профессор. Вот и хорошо, а я попробую закончить свою статью сегодня. Тогда мы можем завтра повеселиться. Может, даже в театр сходим. Говорят, хорошая вещь идет - она вот уже несколько лет как не сходит со сцены "Китайские котлеты", так, кажется?

Жена (тихонько, сама себе, глядя, как он усаживается в кресле). О господи!

Профессор подбирает с пола страницы рукописи и приготавливается работать, а она смотрит, не сводя глаз, на валун, из-за которого снова высовывается голова и плечи фавна.

Профессор. Удивительная вещь, эта сила внушения! Ведь, собственно, анимизм своим происхождением обязан просто-напросто тому, что камни, деревья и тому подобное при известном освещении принимают всевозможные обличия и тем воздействуют на воображение! (Поднимает голову.) Что с тобой?

Жена (вздрагивает). Со мной? Ничего!

Поворачивается к мужу, и фавн исчезает. Переводит взгляд на валун, там никого нет. Порыв ветра срывает несколько лепестков яблоневого цвета. Она

ловит рукой летящий лепесток и быстро проходит за портьеру.

Профессор (сосредоточившись, снова пишет). "Легенда об Орфее есть... хм... апофеоз анимизма. Если мы допустим, что..."

Его голос заглушается голосом жены, которая снова принимается петь: "Деревья

пробуждал Орфей..." Песня переходит в рыдание.

Профессор удивленно поднимает голову.

Занавес

Фраст. Bravo! Bravo!

Вейн. Поднимите занавес. Мистер Форсон!

Занавес поднимается.

Форсон. Сэр?

Вейн. Всех на сцену!

Вейн и Фраст поднимаются на сцену, где уже собрались все четверо участников.

Вейн. Дайте больше свету. Форсон.

Свет! Рампу!

Зажигается рампа, голубой свет на сцене гаснет; теперь свет резкий,

слепящий, как вначале.

Фраст. Мисс Хэллгров, я рад случаю с вами познакомиться. (Она подходит к нему стремительно, и вместе с тем робея. Он трясет ее руку.) Мисс Хэллгров, позвольте сказать вам, что мне ваша игра показалась отличной... отличной. (Ее очевидное волнение и радость воодушевляют его, и он принимается трясти ее руку еще энергичней.) Отлично! Задело самые нежные струнки! Эмоционально! Отлично!

Мисс Хэллгров. О, мистер Фраст! Для меня это так важно! Спасибо!

Фраст (взгляд его несколько тускнеет и холодеет). Хм... отлично... (Глаза его начинают блуждать.) Где же мистер Флитуэй?

Вейн. Флитуэй!

Флитуэй подходит.

Фраст. Мистер Флитуэй, я хочу сказать вам, что ваш Орфей произвел на меня большое впечатление. Отличное.

Флитуэй. Благодарю, сэр, от души. Я рад, что вам понравилось.

Фраст (с тускнеющим взглядом). Роль, конечно, небольшая, но сыграли вы ее отлично. Мистер Тун?

Флитуэй исчезает, и на его месте появляется Тун.

Фраст. Мистер Тун, мне очень понравился ваш профессор - прекрасный образ! (Тун кланяется и бормочет.) Да, сэр, отличный! (Взор тускнеет.) Кто играет козла?

Мисс Хопкинс (появляясь неожиданно в двери). Мистер Фраст, фавна играю я!

Форсон (представляя). Мисс Мод Хопкинс.

Фраст. Мисс Мод, из вас получился отличный фавн.

Мисс Хопкинс. О! Спасибо, мистер Фраст. Вы очень любезны. Я играю его с огромным наслаждением,

Фраст (с тускнеющим взглядом). Мистер Форсон, вы очень остроумно устроили этот трюк с деревом. Чрезвычайно. У вас есть спички?

Берет у Форсона спичку и, прикуривая чрезвычайно длинную сигару, проходит в

сопровождении Форсона в сад и разглядывает яблоню. Мужчины-актеры уходят, а мисс Хэллгров, простоявшая все это время у занавеса, пробегает в направлении левой кулисы, к Вейну.

Мисс Хэллгров. Ах, мистер Вейн... Как, по-вашему? Он, ведь, кажется, очень... Ах, мистер Вейн! (В экстазе.) Если бы...

Вейн (довольный и счастливый). Да, да. Все в порядке - вы были великолепно. Ему понравилось. Он вполне...

Мисс Хэллгров (стиснув руки). Как замечательно! Ах, мистер Вейн, спасибо вам, спасибо!

Хватает его за руки, но, увидев, что Фраст возвращается на авансцену,

перепархивает к занавесу и исчезает. Резкий свет освещает опустевшую сцену. На ней только двое: Фраст, мусолящий свою сигару, спиной к двери в сад, и Вейн, который стоит возле левой кулисы

и смотрит, закинув голову, в правый угол колосников.

Вейн (кричит наверх). Сейчас свет правильный. Вы записали, Миллер?

Осветитель. Да, мистер Вейн.

Вейн. Хорошо. (Фрасту, который начал спускаться в зал.) Ну как, сэр? Я так рад, что...

Фраст. Мистер Вейн, у нас есть контракт с маленьким Миггсом?

Вейн. Да.

Фраст. Что ж, это у вас очень миленькая вещичка. Но черт бы меня побрал, если я хоть что-нибудь понял!

Вейн (несколько обескураженный). Неужели? Ведь это просто аллегория. Трагедия цивилизации - когда даже у людей утонченной культуры вытравляется и всячески подавляется чувство Красоты и Природы...

Фраст. Угу. (Задумчиво.) Маленький Миггс отлично сыграл бы "Хорька".

Вейн. Да, конечно, он мог бы, но...

Фраст. Свяжитесь с ним по телефону и начинайте репетировать.

Вейн. Как? А пьеса, которую я... которую...

Фраст. Мы должны думать о публике, мистер Вейн. Публике нужна изюминка.

Вейн (расстроенный). Но актриса умрет от огорчения. Я... право же... я не могу...

Фраст. А вы дайте ей роль горничной в "Хорьке".

Вейн. Мистер Фраст, я... я прошу вас! Я довольно много сил вложил в этот спектакль. Он у нас получился. У девушки есть надежда на... и я...

Фраст. Да-да. Она, конечно, превосходна. Теперь звоните-ка поскорей Миггсу и не теряйте времени даром. У меня, сэр, одно-единственное правило. Давайте публике то, чего она хочет, а публика хочет изюминки. Красота, Аллегии и все эти интеллигентские штучки ей ни к чему. Я ее знаю, публику, как свои пять пальцев.

Во время последней реплики мисс Хэллгров, не замеченная никем, стоит возле

стеклянной двери и слушает. Она убита.

Вейн. Мистер Фраст, публика приняла бы эту пьесу, я ручаюсь. Я в этом убежден. Вы недооцениваете публику.

Фраст. Вот что, мистер Блюитт Вейн, - это чей театр, мой или ваш? Так вот, я говорю вам, что не могу позволить себе такой роскоши.

Вейн. Но ведь... ведь вы сами были растроганы, сэр. Я видел. Я следил за выражением вашего лица.

Фраст (непоколебимо и решительно). Мистер Вейн, я не стал бы на вашем месте судить о среднем зрителе по моей особе. Публику надо чем-нибудь раззадорить перед "Просчетом Луизы". Для этой

цели прекрасно подойдет "Хорек". Итак, действуйте. А я пойду перекусить.

Он уходит за правую кулису, мисс Хэллгров между тем закрывает лицо руками. Она не в силах удержаться рыдания. Вейн замечает ее и хочет к ней подойти, но

она убегает.

Вейн (ероша волосы руками). Проклятье!

Из-за левой кулисы выходит Форсон.

Форсон. Сэр?

Вейн. "Изюминка"! Какой нелепый предрассудок!

Форсон проходит через сцену и уходит за правую кулису.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон (появляется). Сэр?

Вейн. Пьеса не пойдет. (Свирепо.) Скажите, чтобы приготовили декорации для первого действия "Просчета Луизы", да поживее!

Выходит в стеклянную дверь. Волосы у него так и остались взъерошенными.

Форсон. Свет!

"Свет". А?

Форсон. Где Чарли?

"Свет". Пошел обедать.

Форсон. Есть кто у занавеса?

Голос. Да, мистер Форсон.

Форсон. Дайте занавес. (Стоит посреди сцены, возведя глаза кверху.)

Занавес

1920 г.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)